

відчувається запит у виході за межі традиційного нарративу про «Давньоруську державу» при вивченні політичної історії Русі. Рецензована праця актуалізує ці завдання. Однак виконувати їх доведеться по-іншому.

Вадим Арістов

Бура Харди. *Итинераріј Ростислава Михайловича*. Сремска Митровица – Нови Сад, 2019, 160 с.

Монографія сербського історика Дюры Харди являється закономірним итогом багаторічних досліджень автора, присвячених князю Ростиславу Михайловичу — сину знаменитого Михайла Всеволодовича, князя чернігівського (1223–1235, 1241–1246 гг.), галицького (1235–1237 гг.) і київського (1237–1239, 1241–1243 гг.). Личність Ростислава Михайловича без перебільшень унікальна. І взагалі не через «історический масштаб» (як політик і воєначальник Ростислав опинився скоріше невдачником), а в плані «територіально-культурного виміру» його діяльності. Після Святослава Хороброго серед сотень князів Рюриковичів XI–XIV вв., схоже, не знайдеться ні одного, який би залишив стільки яскравий «слід» за межами Давньої Русі, як Ростислав. Географічний ареал його активності вражає, охоплюючи, по крайній мірі, територію десяти сучасних держав: Росії, України, Венгрії, Польщі, Австрії, Словаччини, Хорватії, Сербії, Боснії і Герцеговіни, Болгарії. Політична кар'єра Ростислава почалась в дитячому віці в Новгороді на берегах Волхова, а завершилась в Болгарії з царським титулом *imperator Bulgarorum*. Його син розглядався як реальний претендент на угорський престол, а дочки стали царицею Болгарії, королевою Чехії і княгинею Кракова.

Д. Харди являється, схоже, єдиним представителем сербської історіографії, який «ризнувся» звернутися до теми Давньої Русі XIII в. Уже магістерська робота молодого історика була присвячена державно-правовому положенню Галицько-Волинського князівства до 1264 г. Особливо увлечла дослідника особистість одного з фігурантів боротьби за галицький престол — Ростислава Михайловича. Видібно, при цьому сказався «місний» фактор: адже після втечі Ростислава в Угорське королівство його основні володіння знаходились в межах сучасної Сербії. Вийшли статті Д. Харди, присвячені угорсько-сербському періоду життя князя. Поступово коло інтересів автора, відображений в публікаціях, розширювався, і в результаті привів до появи розглядаваної книги.

Її заголовок несподівано починається словом «Итинерарій», адже в класическому сенсі це — лише сухої хронологічний перелік дат і місць перебування людини. Фактично ж робота Д. Харди значно

более объёмна, представляя собой скорее не итинерарий, а по сути подробную биографию Ростислава. Да и сам автор, «откровенно говоря», признаёт: «Исследуем и пишем не итинерарий, но об историографической реконструкции итинерария Ростислава Михайловича» (с. 10). Поскольку и подобный «итинерарий» — всё же не полная биография, это освобождает Д. Харди от подробного рассмотрения некоторых вопросов, связанных с деятельностью Ростислава (напр., происхождение его матери и «династические права» на галицкий стол).

Сразу же укажем общие достоинства, а также, с нашей точки зрения, и определённые упущения работы Д. Харди. Прежде всего, она поражает на редкость тщательным отношением к историографии темы: буквально по каждому мало-мальски проблемному вопросу автор приводит обзоры мнений своих предшественников, как сам он выражается, «дискурс историографии» (с. 12). Вряд ли можно назвать серьёзную научную публикацию, не учтенную Д. Х. (кроме Введенско-Печерской редакции Помянника князей Черниговских). Безусловно, это явное достоинство книги. Однако создаётся и впечатление, что текст неоправданно перегружен ссылками на литературу «по всякому поводу», а также весьма частыми повторами и напоминаниями. (Из случайных ошибок обратим внимание на такую: известный медиевист Владимир Терентьевич Пашуто почему-то регулярно именуется «Всеволодом»). Вместе с тем историографические обзоры довольно поверхностны, обычно сводятся лишь к итоговым выводам различных учёных, хотя иной раз не помешал бы и критический анализ их аргументации по сути.

Стоит отметить стремление автора к научной осторожности и объективности: книга почти свободна от «остроумных» гипотез, претендующих на «сенсационность» псевдооткрытий, ошибочных или недоказанных «виртуальных» фактов — не подтверждённых надёжными источниками или прямо им противоречащих. Тяга к подобного рода вольностям для Д. Харди, в отличие от ряда современных медиевистов-русистов, не характерна. В тех же случаях, когда сербский исследователь предлагает собственные версии, почти всегда оговаривается их гипотетичность. В этом плане заметна и критическая оценка предшествующей историографии, хотя в прямые дискуссии автор «ввязывается» крайне редко. Например, рассматривая деятельность Ростислава Михайловича в Болгарии, он «не выдерживает» и даёт такую, в целом справедливую, оценку (касающуюся болгарской историографии XX в.): «О всём остальном историки должны были создавать ряд предположений, которые основывались на других предположениях» (с. 112).

Переходим к обзору отдельных глав монографии.

«I Новгород — первые княжеские шаги» (с. 14–23). Глава представляет собой комментарий информации, содержащейся в *Новгородской летописи* о пребывании малолетнего Ростислава в Новгороде в 1229–1230 гг., а также известия *Лаврентьевской летописи* 1231 г. об участии Михаила Чернигов-

ского и его сына Ростислава в княжеском съезде в Киеве. Здесь Д. Харди затрагивает и вопрос о происхождении Ростислава. Его мать, сестру галицко-волыньских Романовичей, сербский историк вслед за своими предшественниками называет Еленой (с. 16, прим. 16). Это имя читается в *Любецком синодике* XVIII в., содержащем помянник древних князей черниговских. Однако Д. Харди ничего не знает о существовании другой редакции указанного помянника, происходящей из Введенской церкви в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры. Этот *Введенско-Печерский помянник* (1654 г.), судя по всему, представляет собой копию утраченного помянника черниговского Елецкого монастыря. Он на целое столетие старше *Любецкого синодика* (1751 г.), а главное — не содержит многочисленных пропусков и явно ошибочных чтений, свойственных любецкой редакции¹.³⁷ В нашем случае важно то, что во *Введенско-Печерском помяннике* содержится более исправная запись о жене Михаила Всеволодовича: «Князя Михайловы Княгиню Евдокию»²,³⁸ а не «Князя Михаила и Княгиню его Елену», как в *Любецком синодике*³.³⁹ Таким образом, более достоверным именем супруги Михаила, матери Ростислава, является не «Елена», а «Евдокия». Вопрос о её происхождении (и, соответственно, «династических правах» на Галич) Д. Харди, имея на то полное право в рамках темы «итинерария», специально не рассматривает, ограничившись историографической ссылкой в следующей главе (с. 29, прим. 32)⁴.⁴⁰

Пытаясь определить время рождения Ростислава, Д. Харди, хоть и не вполне уверенно, относит его к началу 1220-х гг. (с. 9, 19–20), с чем в целом можно согласиться. Автор упоминает о гипотезе В.Л. Янина, основанной на атрибуции нескольких печатей из Новгорода, согласно которой крестильным именем Ростислава было Константин. «Тема заслуживает детального исследования и обзора историографической рецепции» (с. 22, прим. 42). Со своей стороны, можем указать, что гипотеза В.Л. Янина находит полное подтверждение во *Введенско-Печерском помяннике*. Там, среди черниговских князей Ольговичей XIII в., встречаем «Князя Костантина Михайловича»⁵⁴¹ (в поздней *Любецкой* редакции он пропущен), отцом которого, из всех известных Оль-

1 Келембет С. Пом'яники (синодики) князів Чернігівської землі як історичне джерело. *Сіверянський літопис*. 2016, № 6, 19–37.

2 *Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври*. Упор. та вступ. ст. О. Кузьмука. *Лаврський альманах*. Спецвип. 7. К., 2007, 17.

3 *Синодик Любецького Антонієвського монастиря*. Чернігов, 1902 (факсим. изд. рукописи), л. 17.

4 По нашему мнению, Евдокия была дочерью Романа Галицкого от первого брака с Предславой Рюриковной. После фактического расторжения этого брака (1196/97 г.) Предслава с дочерью проживала в Киеве. После насильственного пострижения в монашество Рюрика и Предславы (1204 г.) опекуном Евдокии стал её дядя Ростислав Рюрикович, князь киевский (1204–1205 гг.), который в 1211/12 г. и выдал её замуж за Михаила Всеволодовича. Ростислав Михайлович получил своё имя, несвойственное для черниговских Ольговичей, именно в честь Ростислава Рюриковича († 1218) — дяди и опекуна его матери Евдокии Романовны.

5 *Поменник Введенської церкви*, 17.

говичей, мог быть только Михаил Всеволодович. Поскольку других сыновей Михаила, кроме Ростислава, достоверные источники не знают (да и «приписанные» ему в XV–XVI вв. носили иные крестильные имена), вряд ли подлежит сомнению тождество Константина Михайловича именно с Ростиславом. Последний, согласно выводу Д. Харди, до конца жизни сохранял православное исповедание (хотя и был женат на католической принцессе). Т. е. после смерти Ростислава на его родине, в Чернигове, он вполне мог быть записан в церковный помянник под своим крестильным именем Константина.

«II “Яко твои есть Галич” или о галицких путях и беспутьях» (с. 24–85). Наибольшая глава книги, занимающая более половины её основного объёма. Посвящена биографии Ростислава Михайловича на протяжении 1235–1245 гг. Для этого периода фактически единственным источником по теме является т. н. *Галицко-Волынская летопись (ГВл)*. Ещё в предисловии Д. Харди отмечает субъективность этого памятника, составленного при дворе Романовичей, для которых Ростислав и его отец были «архинеприятелями». Естественно, автор знает и то, что «хронологическая сетка» *ГВл*, содержащаяся в древнейшем *Ипатьевском* списке, в его протографе отсутствовала (с. 11). На этом источниковедческая характеристика *ГВл* заканчивается. Между тем, едва ли не большая часть второй главы книги посвящена хронологии *ГВл*, которую автор устанавливает, в основном, на основании сравнения с другими, датированными источниками. Однако в отдельных случаях Д. Харди доверяет и «внутренней» (относительной) хронологии *ГВл*, рассматривая её как вполне надёжный источник. А согласиться с таким тезисом можно не всегда. Приведём один показательный пример.

Обосновывая датировку «бегства» Михаила Всеволодовича из Киева, Д. Харди (как и его предшественники) ключевое значение придаёт «свидетельству» *ГВл* о том, что вскоре после взятия монголами Чернигова, произошедшего 18 октября 1239 г., Менгу-хан подошёл к левому берегу Днепра, осмотрел Киев и отправил посольство к Михаилу и горожанам, которые отвергли лстивые предложения монгола; лишь после этого Михаил бежал из Киева. Таким образом, заключает автор, «бегство» Михаила в любом случае имело место после 18 октября 1239 г. При этом исследователь знает статью А.П. Толочко, в которой доказывается, что упомянутый эпизод, как и последующий рассказ о штурме Киева в 1240 г., является литературно-художественным вымыслом, «скомбинированным» едва ли не четверть века спустя на основании древнерусских переводов *Истории Иудейской войны* Иосифа Флавия и *Хроники* Георгия Амартола. В частности, осмотр Менгу-ханом Киева был «навеян» аналогичными действиями Помпея перед штурмом Иерусалима^{6 42}.

6 Толочко А.П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания. *Palaoslavica*. XXII, 2 (2014), 107–108.

Однако заключение Д. Харди категорично: «Что касается эрудиции русского книжника, не имеем ничего, чтобы сделать замечание. Уверены, что его изложение и дальше представляет достоверный источник для хронологически следующих событий, которые предшествовали Михайлову бегству в Венгрию» (с. 43). Таким образом, работа А.П. Толочко вроде бы и упомянута, но фактически проигнорирована. Между тем, приведённые там доказательства в пользу того, что эпизод осмотра Киева «Меньгуканом» (царевич Менгу стал ханом лишь в 1251 г.) являются художественным вымыслом, выглядят вполне убедительно. Более того, данный тезис подтверждается хронологией авторитетнейшей *Лаврентьевской летописи*, из которой следует, что в 1239 г. Ярослав Владимиро-Суздальский выступил в поход на Каменец (по *ГВл* — уже после бегства Михаила из Киева) между взятием монголами Переяславля-Русского (3 марта 1239 г.) и освящением церкви в суздальской Кидекше (24 июля). Далее же, сообщая о взятии Чернигова (18 октября 1239 г.), *Лавр.* «между словом» отмечает, что «князи ихъ выѣхаша въ Оугры» — практически прямое указание на отъезд Михаила и Ростислава в Венгрию ещё до падения Чернигова^{7, 43}.

Вряд ли можно согласиться с тем, как Д. Харди интерпретирует сообщение *ГВл* о поездке Ростислава в Чернигов в 1241 г.: Михайлович якобы «без сомнения официально [званично] стал черниговским князем, символично сев на престол города, в котором некогда сидели его отец и славные предки» (с. 58). Такой поступок был бы явным нарушением прав родового старшинства других Ольговичей, принадлежавших к одному поколению с Михаилом Всеволодовичем^{8, 44}. Во *Введенско-Печерском* и *Любецком* помянниках, где все правители Чернигова обозначены титулом «великий князь черниговский», имя Ростислава среди таковых отсутствует. Более того, напомним, во *Введенско-Печерском помяннике* Константин Михайлович (Ростислав) записан как рядовой князь. Поэтому вполне очевидно, что в 1241 г. и позже черниговский стол официально занимал Михаил, а Ростислав отправился в Чернигов лишь в качестве представителя своего отца, а не полноправного правителя. Обосновываться в Чернигове Ростислав не планировал, сразу же начав борьбу за возвращение материнского «наследства» — галицкого престола, «который ему раньше принадлежал (1237–1238 гг. — *С.К.*) не как узурпатору, а по праву, которое для него было сильнее мнимых [наводных] прав Даниила Романовича».

В конце главы Д. Харди, выходя за рамки темы «итинерария» и «давая себе авторскую свободу», делает «краткий экскурс» с целью показать, что «наш

7 Более подробно данный вопрос мы надеемся рассмотреть в рамках отдельной публикации.

8 Подр. о престолонаследовании в Чернигове в XIII в. см: Келембет С.Н. Великие князья Черниговские: монгольский период (1246–1372 гг.). *Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы*. Вып. 11. Минск, 2018, 80 и далее.

князь, отпрыск славных Ольговичей и Романовичей, был владетель храброго духа, искусный в ратных делах» (с. 81–83). Ростислав, подвергая свою жизнь реальной опасности, лично участвовал в Ярославской битве 1245 г. Но это являлось для русских князей скорее нормой, нежели чем-то особенным. Если Ростислав и «был воспитан в рыцарском духе» (с. 83), то вряд ли это отразилось на его моральных качествах. В рассматриваемой Д. Харди грамоте Белы IV 1264 г., где описаны заслуги в Ярославской битве магистра Лаврентия, упомянут такой эпизод: одному пленному русскому боярину, приведённому лично к Ростиславу, князь приказал отрубить голову (*fecit capite detruncari*)⁹.⁴⁵

Далее в монографии следуют две главы, несколько удивляющие своим «сверхмалым» объёмом (по неполных 5 страниц), особенно в сравнении с предыдущей главой (62 страницы).

«III Из боя в бой: *sub Nova Civitate iuxta fluvium Saar*» (с. 86–90). Глава посвящена участию Ростислава Михайловича, находящегося в составе войск его тестя, венгерского короля Белы IV, в битве с австрийским герцогом Фридрихом II Бабенбергом на р. Лейте (пограничной с Австрией), состоявшейся 15 июня 1246 г. Ростислав как участник этой битвы прямо упомянут в актовом документе Белы IV от 20 ноября 1255 г., а также анонимно — в нескольких германских анналах. Лишь в поздней *Густынской летописи* (компиляции первой половины XVII в.) сообщается, что на помощь королю Венгрии против Фридриха Австрийского пришёл Даниил Романович. Это известие Д. Харди, вслед за многочисленными предшественниками (в историографическом обзоре указаны 22 работы!), признаёт ошибочным¹⁰.⁴⁶ Попытка же А.В. Майорова обосновать участие Даниила в битве на Лейте критики не выдерживает. Ссылаясь на венгерского историка Т. Senga, Д. Харди совер-

9 *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Studio et opera G. Fejér.* Т. IV, vol. III (Budae, 1829), 198.

10 Основной источник «комбинации» *Густынской летописи* выясняется из ссылок (на полях) к одному из следующих сообщений — о посольстве папы Иннокентия к «Батию»: «Мар. Бъл. 172. Гваг. о Пол. 92. Моисей Бъл. 361» (ПСРЛ 2: 341 (1843)). В *Хронике Польской* Мартина и Иоахима Бельских на указанной странице под 1246 г. действительно говорится о посольстве Иннокентия «к Хаму (!) Великому Царю Татарскому». А через две страницы, под 1247 г., здесь же сообщается: «Поскольку Бела Король Венгерский с Фридериком Князем Ракуским (Rakuskim) собрали на себя войска великие, а когда столкнулись, убит Фридрих Ракуский» (*Kronika Polska, Marcina Bielskiego*. Nowo przez Joach. Bielskiego syna jego wydana (Kraków, 1597), 172, 174). Ссылка же *Густынской летописи* на «Мои Бъл, 361» относится к *Хронике всего мира* Мартина Бельского по третьему изданию 1564 г. (сложно сказать, почему компилятор называл Мартина Моисеем!). Здесь на указанном листе сообщается о посольстве Иннокентия IV, а затем *под тем же 1246 г.* — что польский князь Болеслав «по просьбе Белы Короля Венгерского собрал войско на Моравию имея с собой Даниила Русского Князя». О битве на Лейте в этом произведении упомянуто в другом месте: Бела IV «Наостаток убил того Фридерика князя Ракуского, и Чехов разгромил» (М. Bielsi, *Kronika, tho iesth, Historia Swiata* (Kraków, 1564), list 361, 302 об.). Совершенно фантастично «добавление» густынского компилятора о том, будто бы Даниил пришёл на помощь Беле «со Рускими и Татарскими полки»: монголы были заклятыми врагами Венгрии, и их военная помощь Беле IV в 1246 г. абсолютно нереальна.

шенно справедливо констатирует, что «Романовичи до (весны) лета 1247 г. не успели бы примириться с венгерским королём» (с. 89).

«**IV Adventus in Machu [прибытие в Мачву]**» (с. 91–95). В главе рассматривается вопрос об основном владении Ростислава Михайловича, принадлежавшем ему на юге Венгерского королевства — Мачве. Единственным прижизненным документом, в котором Ростислав упомянут как «господин Мачвы (*Dominus de Machou*)», является акт Белы IV от 28 июня 1254 г. Мачванское владение Ростислава располагалось к югу от р. Сава и восточнее Дрины, в бассейне Колубары. Возможно, в его состав на востоке входил и Белград (нынешняя столица Сербии). Мачва получила название от одноимённого города-крепости, находившегося на левом берегу Савы.

Надежду на возвращение в Галич Ростислав потерял после того, как в г. Зволене (слов. Zvolen, венг. Zólyom) Бела IV заключил союз с Даниилом Романовичем, выдав дочь Констанцию за Льва Даниловича. Актальный материал свидетельствует о пребывании короля в Зволене в сентябре 1246 и в августе — сентябре 1247 гг. Следуя аргументам Т. Senga, Д. Харди относит Зволенский мир к сентябрю 1246 г., хотя М. Фонт и П. Малиняк предпочитают 1247 г. (с. 93).

В акте Белы IV от 2 июня 1247 г. Ростислав, «сиятельный князь Галиции», упомянут с «нединастическим» титулом бана всей Славонии (*Ratislao illustri Duce Galliciae et bano totius Sclauoniae*). А уже до 3 апреля 1248 г. баном (наместником — *С.К.*) Славонии стал венгерский вельможа Стефан Хуткелед. Следовательно, к тому времени Ростислав уже мог получить Мачву. А поскольку название последней ранее 1254 г. не зафиксировано, Д. Харди предполагает, что строительство города Мачвы в качестве своей «столицы» начал именно Ростислав, завершив его к 1254 г. Впрочем в единственном сохранившемся акте самого Ростислава (подлинном, см. с. 10), выданном не ранее 1257 г., он употребляет более «высокие» титулы: *Nos Rozlaus Dux Galacie ac Imperator Bulgarorum* (с. 94–95).

Д. Харди обращает внимание, что в одном чешском документе 1262 г. Анна, жена Ростислава, титулуется *domina Anna de Galatia, de Machow et de Rodna*. Несколько выше автор отождествляет Rodna с карпатской Родной в Трансильвании, считая её владением Анны (с. 38–39). Однако в папских буллах 1264 г. Анна (Agn!) названа *Ducisse Galitie, de Bosna et de Mazo domine*; её с Ростиславом младший сын, Бела, в 1271 г. также титуловался герцогом Мачвы и Боснии, *Ducem de Machow et de Bozna*^{11.47}. Поэтому мы уверены, что в чешском акте 1262 г. «de Rodna» является писарской ошибкой — вместо «de Bosna». Такой вывод подтверждает ещё одна булла Урбана IV того же 1264 г., где прямо указано, что карпатские Бистрица и

11 *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*, ab A. Theiner. T. I (Romae, 1859), 273, 276, 303.

Родна (*Bistische, Rodona*) принадлежали не Анне, а её матери — королеве Марии, супруге Белы IV^{12, 48}

Вопрос о других владениях Ростислава Михайловича и Анны Д. Харди не рассматривает. Таковыми на юге Венгерского королевства были земли *Belin* (совр. г. Биелина в Боснии и Герцеговине, автономия Республика Сербская) и *de sancto Demetrio*^{13,49} (Св. Дмитрия, ныне Сремска-Митровица на левом берегу Савы или Мачванска-Митровица на правом). А на северо-востоке Венгрии Ростиславу и Анне принадлежали замки *Berez/Bereg, Munkaach* (Берег, Мункач, совр. Берегово и Мукачево Закарпатской обл. Украины) и *Fizer/Fyzer* с рядом сёл (Фьюзер, замок существует и поныне на приграничье Венгрии со Словакией)^{14,50}. Хочется надеяться, что данные сюжеты Д. Харди отложил на свою будущую крупную работу, анонсированную так: «Обо всём этом скажем больше, надеемся, в одной новой книге» (с. 95).

«**V В чешских походах венгерского короля**» (с. 96–104). В главе рассматривается участие Ростислава Михайловича в вооружённой борьбе за австро-штирийское «наследство Бабенбергов», которую Бела IV вёл с Пржемыслом Отакаром II, маркграфом Моравии, затем королём Чехии. Из одного документа 1259 г. следует, что летом 1253 г., во время вторжения венгерско-половецких войск в Моравию, Бела IV оставил «зятя нашего господина князя Ростислава [Bozyslao!]» на венгерско-моравском пограничье, в крепости Тренчин. Там Ростислав разбил чешский отряд, после чего присоединился к своему тестю-королю (с. 96–98). Решающая битва между войсками Белы IV и Пржемысла Отакара II состоялась 12 июля 1260 г. возле Кройссенбрунна на Моравском поле. Полную победу одержал чешский король, который 8 октября сообщил о ней папе Александру IV. В этом письме среди народов, разгромленных в составе войск Белы IV, упомянуты греки, болгары, сербы и боснийцы. Очевидно, все они были приведены на Моравское поле из южнославянских владений Ростислава. Участие самого князя в битве возможно, но остаётся под вопросом (с. 99–102).

К 1260 г. власть Ростислава, вероятно, действительно распространялась на часть Болгарии и Боснию. В югославской историографии доминирует версия, что Бела IV передал своему зятю лишь северо-восточную часть Бос-

12 *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. T. I, 275, Nr DIV.

13 *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. T. I, 273, Nr D.

14 *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. T. I, 276, Nr DVI; *Codex diplomaticus patrius Hungaricus. Hazai okmánytár*. T. VIII. Studio et opera E. Nagy (Budapestini, 1891), 98, Nr 77 (1264 г.: *ut terram Borod vocatam in comitatu de Bereg sitam prope Munkaach, sibi per dominam Annam ducissam de Machov seu de Bazna perpetualiter collatam, prout in literis eiusdem domine Anne*); *Codex diplom. Arpadianus continuatus. Árpádkori újokmánytár*, ed. Wenzel G. T. VIII (Pest, 1870), 256, Nr 175 (1270 г.: *Castrum Fyzer cum vndecim villis*); T. XI (Budapest, 1873), 373, Nr 260 (1251 г.: *terram eorum hereditariam nomine Ratha, vicinam castru nouo Abe, quam karissimo genero nostro R. Ducu Gallicie dederamus, recepimus*); T. XII (Budapest, 1874), 13, Nr 5 (1270 г.: *quondam possessionem Chychywa vocatam in Comitatu de Zemlen sitam in confinio Polonie, cum villis ad ipsam pertinentibus, Hussceumezeu et Wysno uocatis [...] prout Dux Ratizlaus habuit et possedit*).

нии — области Усора и Соли. Во «внутренней» же Боснии сохранил власть местный вельможа — бан Приезда. Лично мы с таким тезисом согласиться не можем, признавая Ростислава (после 1254 г.), а затем его вдову Анну и сына Белу (до 1272 г.) правителями всей или почти всей Боснии^{15, 51}

В 1261 г. между Чехией и Венгрией был заключён мир, скреплённый династическим браком. 25 октября в Пожони (Братиславе) внучка Белы IV Кунигунда, дочь *Rostislai Ducis Bulgarorum*, стала супругой Пржемысла От-акара II, а на Рождество молодожёны были торжественно коронованы как король и королева Чехии.

«VI Путешествие на юг» (с. 105–116). В главе рассматривается деятельность Ростислава Михайловича в Болгарии. Византийский политик и историк Георгий Акрополит, в 1256 г. лично проводивший переговоры с Ростиславом, называет его «росос урос» — «русский господин» (калька со старого венгерского титула *úr*, соответствующего лат. *dominus*), «тесть царя болгар и зять венгерского короля». Юный царь Михаил II Асень женился на Анне (имя известно из надписи на церковной фреске), старшей дочери Ростислава, должно быть, в связи с обострением отношений Болгарии с Никейской империей в 1254 г. В конце июня 1256 г. Ростислав, по просьбе своего зятя, прибыл для переговоров к императору Феодору II Ласкарису, стоявшему с войсками на р. Регина во Фракии, и заключил с ним мирный договор, получив за это от ромеев богатые дары. Сам Ласкарис в своём послании называл переговорщика «росон архон», «достойным человеком», аллегорически сравнивая его с медведем, который неожиданно от имени своих двух союзников, с каковыми они вместе напали на империю — обезглавленного пса (половцев) и бежавшего львёнка (молодого болгарского царя), — появился как посредник и заключил мир с императором. Отсюда Д. Харди делает вероятное предположение, что Ростислав был участником болгарско-никейской войны 1254–1256 гг. (с. 111).

Михаил II Асень, по свидетельству Акрополита, был убит своим двоюродным братом Калиманом, который женился на вдове Михаила и намеревался присвоить власть над болгарами. Однако вскоре в болгарскую столицу Тырново вошёл/напал с войском Ростислав («Рос Ур»), забравший свою дочь; Калиман же бежал и был убит. Д. Харди, обоснованно полемизируя с болгарским историком П. Никовым (публикация 1920 г.), склоняется к мысли, что Ростислав действительно вошёл в Тырново, где провозгласил себя царём Болгарии. Акрополит же об этом факте не был оповещён; в своём кратком

15 Обоснование данного тезиса, понятно, выходит за рамки рецензии. Отметим лишь, что изучение венгерского актового материала показывает: после убийства Белы Ростиславича, герцога Мачвы и Боснии (1272 г.), из его владений были созданы четыре баната — Мачевский, Боснийский, Усоро-Сольский и Кучево-Браничевский; титулы боснийского и усоро-сольского банов существовали параллельно, не будучи тождественными или взаимозаменяемыми. О правлении же бана Приезды в «настоящей» Боснии между 1255 и 1280-ми гг., несмотря на все усилия, никаких прямых сведений в источниках нам отыскать не удалось.

экскурсе он хотел объяснить читателю, каким образом болгарский престол занял аристократ Константин Тих, союзник Nikei — явно уже после отъезда Ростислава. О принятии последним царского титула (*Imperator Bulgarorum*) свидетельствует его единственная известная грамота, к сожалению, недатированная. В болгарской историографии поход Ростислава в Тырново обычно датируется концом 1256 — началом 1257 г.; Д. Харди считает возможным, что это могло произойти и весной 1257 г. (с. 114).

Современник событий, чешский летописец под 1261 г., как мы видели, назвал Ростислава болгарским князем (*Ducis Bulgarorum*), а не царём. Причину этого Д. Харди склонен видеть «в кратковременности болгарских царских амбиций Ростислава». В 1259 и 1261 гг. венгерские войска совершали походы в Болгарию, однако имя Ростислава в связи с ними в источниках не упоминается. На болгарском престоле удержался Константин Тих, «а Ростиславу осталось и дальше носить свой болгарский царский титул и реально может быть владеть некоторыми болгарскими областями (Видином)» (с. 115).

«VII Последний путь» (с. 117–120). Ещё Ф. Палацкий в 1842 г. отметил, что молчание источников о Ростиславе Михайловиче во время событий 1260–1264 гг., и особенно первой междоусобной войны Белы IV со своим сыном Стефаном в 1262 г., очевидно, свидетельствует о том, что к этому времени Ростислава уже не было среди живых. Хотя однозначно как покойный он упомянут только в папских буллах, адресованных его вдове Анне и их сыновьям Михаилу и Беле, от 15–16 июля 1264 г. В первом из этих документов понтифик, по просьбе вдовы (*vidua*) Анны, титулярной «княгини Галиции», и её сыновей, а также коронованных родителей, подтверждал принадлежность им земель Белин и Св. Дмитрия.

Другую датировку смерти Ростислава предложил В. Прокофьев, который обратил внимание, что в королевском акте от 13 апреля 1264 г. Ростислав, хоть и упомянут в связи с событиями далёкого 1245 г. (Ярославской битвой), фигурирует как живой человек. По мнению В. Прокофьева, «если бы Ростислав был уже покойным, возле его имени стояли бы обычные фразы типа *felicis(sime) memoriae, felicitis recordacionis* (или, добавим, просто *quondam*)» (цитата Д. Харди, с. 118). Таким образом, по версии В. Прокофьева, Ростислав умер в мае — июне 1264 г. Однако сербский историк не исключает, что в документ 1264 г. мог быть включён и текст более раннего акта. От себя добавим, что «посмертные эпитеты» в королевских грамотах являются вовсе не обязательными. Для сравнения, в документе Стефана V 1270 г. о владениях его русского зятя, давно уже покойного, сказано просто: *prout Dux Ratizlaus habuit et possedit*^{16, 52}.

В венгерской же литературе донныне принята датировка Ф. Палацкого, уточнённая Д. Паулером: Ростислав умер в конце 1261 или начале 1262 г. Паулер (точнее, ещё Палацкий) обратил внимание на то, что в мирном до-

16 *Codex diplom. Arpadianus continuatus. Árpádkori újkönyvtár.* Т. XII (Budapest, 1874), 13, Nr 5.

говоре «младшего короля» Стефана со своим отцом Белой IV от 5 декабря 1262 г. «Стефан обязуется, что, если бы направился на помощь «герцогу Михаилу дражайшему брату нашему», его войска не могут пройти сквозь земли его отца (короля Белы), не могут занимать и опустошать владения баронов, которые пребывают на отцовской службе, а которые находятся в той части государства, которая досталась Стефану. Упоминание Ростислава старшего сына Михаила с княжеским титулом, который, судя по всему, в последних месяцах 1262 г. управлял отдельной областью, по Паулеру и его последователям означало, что Ростислав тогда уже был мёртв, и что его земли наследовали его сыновья». Однако аргументы Паулера для Д. Харди не являются убедительными. Исходя из папской буллы от 15 июля 1264 г., исследователь рассуждает:

В одном мы уверены: король Бела и его супруга королева Мария, наверняка не стали бы столь долго ждать, когда папская курия защитит права их дочери Анны [...] если бы её супруг умер уже в течение 1262 г. [...] Руководимые этим фактом, а также, вероятно, необходимым периодом для обмена с папской курией венгерской переписки, склоняемся к мнению что Ростислав умер вероятно в 1263 г. (с. 119–120).

Отсутствие же упоминаний Ростислава в политических событиях первой половины 1260-х гг. Д. Харди, чисто предположительно, объясняет его возможной тяжёлой болезнью (с. 119–120).

С такой версией Д. Харди мы согласиться не можем. Папское подтверждение Анне и её сыновьям на Белин и Св. Дмитрия от 15 июля 1264 г. было вызвано *вовсе не недавней смертью* Ростислава, а тогдашними агрессивными действиями Стефана. Так, уже на следующий день, 16 июля 1264 г., Урбан IV адресовал Стефану буллу, в которой излагал жалобу его сестры Анны и её сыновей на то, что Стефан незаконно захватил их замки *Berez* (Берег) и *Fizer* (Фьюзер); поэтому папа призывал «младшего короля» вернуть захваченное¹⁷.⁵³ Более того, в другой булле от того же 16 июля сообщается, что Стефан захватил также и владения своей матери, королевы Марии — сёла и земли *Bistische* (Бистрица), *Rodona* (Родна), *Zolosim et Querali*¹⁷.⁵⁴ Жалоба Марии и

17 *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. Т. I, 276, Nr DVI. Стефан призыва папы не послушался. Берег он отдал своей жене, «младшей королеве» Елизавете: в том же 1264 г. та подтвердила грамоты «госпожи Анны герцогини из Мачвы или из Боснии (*ducissam de Machov seu de Bazna*)» на землю Бород в комитате Берег, возле Мункача (*Codex diplomaticus patrius Hungaricus. Hazai okmánytár*. Т. VIII (Budapestini, 1891), 98, Nr 77). А в 1270 г. Стефан, всё ещё будучи в статусе «младшего короля» (т. е. при жизни Белы IV), отдал замок *Fuzer* с одиннадцатью сёлами своим вассалам Дмитрию и Михаилу Андреевичам; в жалованной грамоте Стефан упоминает, что ранее это было владение его сестры Анны, которое он отобрал у неё «за провинность» (*propter crimen*) (*Codex diplom. Arpadianus continuatus. Arpádkori újokmánytár*. Т. VIII (Pest, 1870), 256, Nr 175).

17 *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. Т. I, 275, Nr DIV.

Белы IV папе на своего сына, аналогичная предыдущей, естественно, никоим образом не была связана со смертью Ростислава Михайловича.

Таким образом, ничто не мешает не согласиться с Ф. Палацким и Д. Паулером в том, что уже в декабре 1262 г. юный Михаил Ростиславич (которому не могло быть более 19 лет) являлся правителем самостоятельного княжества, унаследовав его после смерти отца. С другой стороны, никаких прямых известий о Ростиславе Михайловиче после 1256/57 г. не сохранилось. Участие болгар в битве под Кройссенбрунном 1260 г. свидетельствует лишь о том, что Венгерское королевство сохранило контроль над частью Болгарии (вероятно Видинской областью, правителем которой в 1263–1271 гг. упоминается Яков-Святослав — тоже русский князь, вассал венгерского короля и «император болгар»). Об участии Ростислава в заключении брака его дочери, Кунигунды, с Пржемыслом Отакаром II, источники также ничего не сообщают. Следовательно, дата смерти Ростислава Михайловича не может быть установлена более точно, чем период между 1257 и 1262 гг. включительно.

В целом книга Дюры Харди, безусловно, является заметным вкладом в медиэвистику Восточной, Центральной и Южной Европы. Сербскоязычный читатель получает возможность ближе и довольно объективно ознакомиться с историей Южной Руси второй четверти XIII в. Для историка же из Восточной Европы особый интерес представляют главы, посвящённые пребыванию Ростислава Михайловича в Венгрии и на севере Балкан. Во всяком случае, для автора этих строк работа Д. Харди оказалась весьма интересной и полезной.

Станислав Келембет

Симонова А.А. *Древнерусское религиозное мировоззрение и ирландская христианская традиция*. Москва: Прометей, 2017, 354 с.

Вышедшая несколько лет назад книга Анастасии Симоновой обратила на себя внимание ввиду того, что её автор провозгласила попытку установить факты культурно-религиозных взаимодействий между далёкими даже по современным меркам регионами или, как оповещается в аннотации,

приводится комплексный анализ русских и зарубежных письменных и материальных источников, показывающих процесс проникновения на Русь в IX — первой четверти XIV вв. ирландской христианской традиции и ее воздействия на религиозное мировоззрение определенного направления в русском христианстве.